

Чжан Мин имел право знать правду, и Чжоу Дан должен был объяснить, что произошло тогда.

Однако была одна вещь, которую он упустил, и теперь уже никогда не сможет рассказать Чжану Мину.

Чжан Мин, держа фотографию, широко раскрыл глаза от изумления. Два человека на снимке были словно вылиты из одного формата, даже родинки находились в одном и том же месте.

Но только люди на фотографии знали, что один из них намеренно сделал татуировку в виде родинки, чтобы походить на другого. Больше не было пары, столь похожей друг на друга.

— Это...

— Мой брат, родной. Тогда он случайно увидел мои сообщения с тобой и, узнав, что его брат — гей, решил вернуть меня на «правильный путь». Он использовал мой телефон, чтобы встретиться с тобой и предложить расстаться.

— Почему ты тогда не сказал мне?

Если Чжоу Дан не хотел расставаться, то чья вина в том, что они восемь лет прожили в разлуке?

Из-за смешного недоразумения, которого можно было избежать?

Чжоу Дан горько улыбнулся:

— Тогда мне просто не повезло. Мои родители как раз разводились, дом был в хаосе из-за другой женщины, каждый день я слышал их ссоры и споры о старых обидах. Потом началась борьба за имущество, и когда я наконец успокоил мать и пошёл к тебе, мне сказали, что ты уехал за границу. Мои родители развелись, ты уехал, и я ничего не смог предотвратить.

— Или, если бы я сразу рассказал тебе, что у меня есть брат-близнец, с которым мы не жили вместе, всё могло бы сложиться иначе.

Если бы он с самого начала был честен, этого бы не произошло. Чжоу Дан слишком хорошо понимал, что стало корнем их расставания, но он не мог сказать об этом.

— Почему ты не нашёл меня раньше?

— Как я мог подумать, что ты всё ещё любишь меня? Как я мог быть таким самонадеянным?

Он думал, что при встрече Чжан Мин захочет убить его...

— Прости, я не должен был уезжать за границу и бросать тебя.

Чжоу Дан говорил, и ему становилось всё тяжелее. Четыре года, проведённые за границей, и ещё четыре года после возвращения, когда он избегал встреч. Они потратили слишком много времени, и давно уже следовало встретиться и всё обсудить, вместо того чтобы держаться за свою гордость и бояться сделать первый шаг.

— Минцзы, ты извиняешься передо мной, а мне стыдно. Это я должен извиниться. Мой брат ошибся, я ошибся, но ты с самого начала был жертвой. Ты извиняешься передо мной, а это как ножом по сердцу. Это я и мой брат должны извиниться.

Чжоу Дан не хотел его видеть, потому что ему было стыдно. Говорят, что чем ближе к дому, тем сильнее страх. У него был страх перед любовью.

Он никогда не думал, что после стольких лет разлуки Чжан Мин всё ещё будет думать о нём и хотеть воссоединения. Такие мысли даже не приходили ему в голову.

— Да, когда-нибудь встречу твоего брата, и мы обязательно выясним, кто сильнее.

Чжоу Дан, сдерживая эмоции, сказал:

— Это уже не получится. Он погиб в аварии.

— Тогда я прощаю его. По крайней мере, он не помешал нам встретиться сейчас. Ушедшие уходят, а прошлое остаётся в прошлом. Но с этого момента ты, Чжоу Дан, принадлежишь мне. Этот воровской диван уже привязан к тебе, и уйти ты не сможешь.

— Какой воровской?

Чжан Мин уже путал звуки «ng» и «n».

— Воровской.

Чжан Мин повторил это слово, встал и поцеловал Чжоу Дана, их губы слились в поцелуе.

После поцелуя атмосфера стала немного напряжённой. Чжан Мин хотел разрядить обстановку, но вдруг Чжоу Дан кашлянул и пробормотал:

— Моя картофельная лапша остыла...

Чжан Мин, пытаясь подвинуться на табуретке, с грохотом упал на пол. Отлично, серия «Парень живёт хуже, чем картофельная лапша».

Чжан Мин поднялся, подтащил к себе другую порцию лапши, а Чжоу Дан, продолжая есть, наблюдал за его действиями.

— Ты будешь есть?

— Да, а что, нельзя?

— Можно.

В крайнем случае он закажет себе ещё одну порцию.

Чжан Мин переложил яйцо и овощи из своей порции в тарелку Чжоу Дана, взял палочки и начал есть, украдкой поглядывая на него. Помириться было непросто, вернуться к прежним отношениям — тоже, но, к счастью, у них ещё было время.

— А где твоя родинка?

— Показалась некрасивой, удалил после университета.

Чжану Мину нравилась родинка Чжоу Дана, она придавала его улыбке особый шарм, а когда он злился и начинал шутить, его глаза становились ещё более выразительными.

— Думаешь, красота позволяет тебе делать что угодно.

— Спасибо, господин Чжан, за высокую оценку моей внешности.

— Господин Чжан? Ты что, ищешь приключений?

Чжан Мин ущипнул Чжоу Дана за щеку, а тот, смеясь, подставил другую щеку:

— Давай, ущипни ещё раз, мне кажется, будто я сплю.

Чжан Мин, наклонившись, слегка укусил его за щеку:

— Всё ещё думаешь, что это сон?

— У тебя на губах весь жир!

— Ха-ха, сам виноват!

Чжоу Дан взял салфетку, вытер лицо и, скомкав её, попытался засунуть за воротник Чжана Мина, но тот, даже не поднимая головы, схватил его за руку:

— Это всё, на что ты способен?

— Один приём, но зато на все случаи жизни.

— Понимаю.

Это было очевидно, ведь перед ним был человек, который поддаётся этому одному приёму.

— Есть планы на сегодня?

— Сходить в магазин за обогревателем, навестить маму в больнице, всё.

Чжоу Дан отодвинул наполовину съеденную лапшу. Оказывается, любовь насыщает, и он больше не голоден.

— Хорошо, завтра на запись программы не езжай с компанией, я тебя отвезу.

— Ого, за одну ночь я не только обрёл парня, но и персонального водителя.

Чжоу Дан развалился на диване, с удовольствием причмокивая.

— Если бы ты нашёл меня раньше, я бы уже давно стал твоим водителем.

И не только парнем и водителем, но и «принцем-помощником». Чжан Мин сам убрал остатки еды, выбросил коробки в мусорное ведро и тщательно протёр стол.

— Боялся. Я до сих пор не могу поверить, что ты всё ещё любишь меня. Ведь прошло не восемь дней, а целых восемь лет. Ты ни с кем не встречался?

— Ревнуешь? Хочешь поговорить о прошлом?

— ...

Не рискую.

— За границей китайцев мало, а тех, с кем можно ладить, ещё меньше. После возвращения я занялся компанией отца, работал до изнеможения, особенно в первые два года. Мама, конечно, настаивала, чтобы я привёл кого-то домой, и я много раз придумывал отговорки, но, возможно, я никогда не хотел никого, кроме тебя.

Лю Луян часто шутил, что после поездки в Америку он начал верить в буддизм и стал вегетарианцем. Но, скорее, он просто не хотел никого, кроме Чжоу Дана.

Секс без любви его не интересовал.

— Я должен тебе восемь лет, запиши это, потом верну.

— Хорошо, запишу.

Чжоу Дан пожалел, что позволил Чжану Мину остаться...

— Подвинься немного...

— Иначе я упаду на пол.

Чжан Мин не только не подвинулся, но и крепче обнял Чжоу Дана, положив руку ему на грудь.

Чжоу Дан: «Что делать, если только что помирившийся с тобой парень лезет в постель и ведёт себя как нахал? Ударить его подсечкой или пнуть в пах?»

Чжоу Дан поджал ноги к стене, но Чжан Мин последовал за ним.

— Твоя кровать слишком маленькая.

— Тогда иди домой спать!

— Хм~

Легко пригласить, но трудно выпроводить. Чжан Мин спокойно устроился рядом с Чжоу Даном, продолжая ласкать его, засунув руку под пижаму и облизывая его мочку уха.

— Мне нужно спать, завтра у меня запись...

Пожалуйста, пощади.

Чжан Мин тихо засмеялся, поправил пижаму Чжоу Дана и сказал:

— Хорошо, не буду тебя беспокоить, спи. Потом поеду домой...

— Я сплю!

Чжоу Дан зарылся головой в одеяло, делая вид, что не слышит. Если Чжан Мин продолжит, он точно не уснёт.

Чжан Мин вытащил его лицо из-под одеяла, поправил уголок одеяла и спокойно обнял, готовясь уснуть. Впереди у них было много времени, чтобы наслаждаться друг другом.

Чжоу Дан проснулся, когда Чжан Мин уже готовил завтрак и подогревал молоко. Зайдя на кухню, он увидел мужчину в розовом фартуке, держащего руку на стенке кастрюли и проверяющего температуру молока.

Внезапно обняв Чжана Мина за талию, Чжан Мин выключил плиту и, развернувшись, крепко поцеловал его. Чжоу Дан, испытывая смесь боли и удовольствия, едва не стал первым человеком, который задохнулся от поцелуя.

— Умылся?

— Нет.

— Иди умойся, потом завтракаем.

Чжоу Дан побежал в ванную чистить зубы и умываться. Обычно он просто варил кашу на завтрак, но сегодня впервые ел бутерброды, яичницу и пил молоко, чувствуя лёгкое волнение. Он умел готовить, но зимой просто ленился, полагаясь на долгий срок хранения продуктов.

— Я отвезу тебя в здание телеканала. Во сколько закончится запись? Я подожду снаружи.

<http://bllate.org/book/15449/1370571>